

* * *

Мы живём, и сквозь пальцы течёт
драгоценный песок.
Словно всё ещё будет и тысяча лет впереди,
Словно не убывает назначенный Господом срок.
Только он убывает. И заново не обрести.
Мы усиленным штурмом берём не свои города.
Безрассудно влюбляемся, не успевая любить.
Будто наше цветное кино не пройдёт никогда.
Только лента кончается. Заново не повторить.
Мы, расходуя щедрое время, глазеем в окно.
Слово «счастье» сложить из осколков
дневного стекла
Горячо, неразборчиво, страстно пытаемся. Но...
Жизнь такой скоростной
и такой безвозвратной... была?

* * *

От Москвы до самых до окраин
В лёгком кураже, навеселе
Человек идёт – не как хозяин,
Он идёт как варвар по земле.

Для пустых сомнений нет причины:
Он уже изведal силу зла.
Ты в недобрый час такого сына,
Мать-земля, на свет произвела.

Он продаст и разорит в два счёта
Красоту лесов, полей и рек.
У него внутри сломалось что-то,
Может, он уже не человек?..

НОВЫЙ ГОД

Новогодний экран заводными гудит голосами
И размеренным боем курантов врывается в дом.
Кружевная гирлянда мигает цветными глазами.
Суета, напускная весёлость и снег за окном.

Громоздится дежурный хрусталь,
и расставлены блюда,
Здесь гора оливье и бутылок
внушительный ряд.
Но пронзит холодок, будто предано
робкое чудо –
Блеск стеклянных игрушек и хвойный
густой аромат.

В золотистом шипучем огне растопив
одинокость,
Бесшабашных признаний и тостов
порхают слова.
И вступает страна в новогоднюю
яркую пропасть,
Не дождавшись лучистой и строгой звезды
Рождества.

68

ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА

Над струящейся простоволосой рекой
Первобытный художник когда-то стоял.
Он к скале прикоснулся могучей рукой
И гортанный ликующий вопль издал.

Подчиняя себе бессловесную тварь,
Утверждая себя господином тайги,
Он на солнце смотрел, гениальный дикарь, –
Отражались в зрачках золотые круги,

И таился вопрос на упрямом челе
У великого первенца юной земли,
И олень солнцеглавый сиял на скале.
А к воде оленихи раскосые шли...

* * *

Сыну

Резаки и стамески, столярного
клея бутылъ.
Чурбаки, и дощечки, и грозный
рабочий станок.
Кружевные душистые стружки,
древесная пыль.
Ты счастливец, что ходишь сюда,
в этот шумный кружок.

Чтоб случилась внезапная радость
у всех на виду
И по дереву чисто и тонко узоры легли.
Чтоб училась душа понимать
и любить красоту
И умелые руки твои всё на свете могли.

Твоя первая ложка как маленький
праздник была.
Ты пыхтел и старался, тебя
вдохновенье вело.
На бруске, словно капелька солнца,
светилась смола,
А потом это тёплое солнышко
в ложку вошло.

Потрудись, чтоб в работах твоих
шелестела трава,
Облака проплывали, вольготно
водилось зверьё.
Разгадай неподатливый, главный
секрет мастерства
В этом деле.
В нём, может, призванье твоё.

* * *

Февраль начнётся – и не в срок
капелью грянет.
Ворвётся влажный ветерок
и одурманит.
Ещё вчера окно цвело
в ажурных блёстках,
а нынче сыро и светло
на перекрёстках.
А нынче звонкость в голосах,
напор, волнение.
И неба чистого распах –
весны вторженьё.

ГОРКА

Набекрень сбиты шапки. На варежках –
катышки снега.
И одежда насквозь задубела. О, только б успеть
По обмёрзшим ступенькам забраться наверх
и с разбега
Друг за другом хохочущей звонкой оравой
лететь!
Беззаботная горка! Я вместе с весёлым
народом
На салазках врываюсь в объятья морозного дня.
Длинноногие клёны, внезапно почуяв свободу,
Жизнерадостным строем проносятся
мимо меня!
Прокачусь с ветерком и, круженье ветвей
усмиряя,
Залюбуюсь на солнце – сияющий белый магнит.
И опять, скоростные колючие искры взметая,
Краснощёкое шумное племя на санках летит!

* * *

Белая ветка волной аромата поймают,
Сердца коснётся, и ты пропадёшь с головою
В мареве яблонь, в счастливом смятении мая,
Веткой душистой качаясь над тёплой землёю.
И в разобшённые гнёздышки воспоминаний
Тихо слетятся прозрачные лёгкие птицы
Давних ошибок, надежд и пугливых признаний –
Чтобы нечаянно сбыться, простить
и проститься...

* * *

Вот и лето на убыль. И робкая осень
Скоро пёстрые пятна уронит в траву.
И высокое небо в прогалинах сосен
Золотистым сиянием гладит листву.

Перелётные хлопоты в самом начале –
С поднебесных прощальных высот журавли
Одиноко и нежно ещё не кричали,
Первобытную грусть растворяя вдали.
Растворится, растает... О ярких нарядах
Будут долго шептаться ещё деревья.
А когда облетят, утешать их не надо.
Среди них и мои где-то бродят слова...

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Вся деревня в плену непроглядного
снежного мрака.
Отойти от окна или кофту надеть потеплей?
Я боюсь и волнуюсь: там, в будке,
ночует собака,
В непогоду такую тоскливо и холодно ей!
Хорошо хоть, что шерстка у нашего
Дика густая.
Баба Аня подбросит в гудящую печь уголька.
Под уютное пенье огня, по углам вырастая,
Любопытные тени потянутся до потолка.
Самодельные куклы весёлым бумажным
отрядом
Примеряют обновки: я их вырезаю легко.
Жарко топится печь. И любимая бабушка рядом.
А грядущая взрослая жизнь далеко-далеко.

* * *

Я слышала рождение зимы,
А ты – любовный шёпот листопада,
Когда, обнявшись, проходили мы
Под сводами простуженного сада.

Я познавала строгость тишины,
А ты – сиротство старого вокзала.

Ты уезжал, а я не уезжала
Из маленькой доверчивой страны.

Тебе пора. Уж кличут. Замираю.
Мне лишь дождя холодного глоток...
Но дождик лил на всех, не выбирая,
Кто был тогда, кто не был одинок...

ПЕРЕЕЗД

Со всех сторон на все лады торчат
стреноженные вещи,
Обоев рваных бахрома, распотрошённый
скарб и хлам.
Разинутые рты коробок, нагромождённых
по углам.
И обнаруженная моль в шкафу контуженно
трепещет.
Перевернувший всё вверх дном и от расправы
увильнувший,
В чужой ворчливый коридор промчался
ошалевший кот.
Ещё не собранная утварь угадывает
свой черёд,
На кухне выпятив торчком эмалированные
ушки.

70

Выносят мебель. Мы пока сидим на пустоте
дивана,
Взметнув над пустотой стола першащую
пылинок взвесь.
Всё увозя, но оставляя два года нашей жизни
здесь,
Мы уезжаем навсегда. А дверь растворена
как рана...

